

Лещенко А. В.,

кандидат філологічних наук, доцент,
професор кафедри прикладної лінгвістики
Черкаського державного технологічного університету

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФЕНОМЕНА НАРРАТИВНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена изучению лингвокогнитивных аспектов нарративной напряженности. Данное понятие рассматривается как сложный многослойный конструкт, имеющий когнитивно-аффективную природу и представленный совокупностью трех различных видов напряженности. Особое внимание уделяется анализу интеллективных и эмотивных триггеров нарративной напряженности.

Ключевые слова: нарратив, когнитивный, аффективный, интеллективные триггеры, эмотивные триггеры.

Постановка проблемы. В современной научной парадигме когниция означает процесс познания, отражения сознанием человека окружающей действительности и преобразования этой информации в сознании [5, с. 8]. В задачи когнитивной науки входит описание/изучение систем представления знаний, процессов обработки и переработки информации и одновременно исследование общих принципов объединения когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм и установление их взаимосвязи и взаимодействия [3, с. 8–9]. Эти задачи решаются и путем обращения к нарративу, который, согласно представлениям когнитологов, является не просто повествовательной структурой, но особым типом *ментальных репрезентаций*, т. е. условно выделяемых структур сознания и мышления человека, которые воссоздают реальный мир в сознании, воплощают знания про мир и ощущения, которые он вызывает, отображают состояния сознания и процессы мышления [7, с. 214–215]. По утверждению Д. Хермана, нарративы (как ментальные репрезентации и когнитивные структуры) передают опыт индивидуума путем представления динамичного развития событий повествовательного мира, оказывающих влияние на реальное или фикциональное сознание, реагирующее на эти события [9, с. 16]. Определение и описание когнитивных структур, стоящих за внешней языковой формой текста, является одной из важнейших задач когнитивной теории нарратива.

Обзор научных публикаций, затрагивающих проблемы описания категории напряженности (работы В.Г. Адмони, С.В. Куликова, Н.Л. Мышкиной, Т.В. Юдиной, Е.Л. Словицкой, М.Н. Ельцовой и др.), свидетельствует о довольно широкой трактовке используемого термина. Напряженность, с одной стороны, ассоциируют с информационной неполнотой, возникающей на разных этапах чтения, с другой – связывают с использованием определенных стилистических приемов и лексических единиц (групп, полей), с третьей – объясняют употреблением ряда лингвистических и экстралингвистических средств, обусловленных авторской интенцией и вызывающих у читателя максимальную концентрацию внимания и ожидания разрешения конфликта.

Целью статьи является лингвокогнитивное описание феномена нарративной напряженности, в основании которого

лежит представление о сложной когнитивно-аффективной природе анализируемого явления.

Изложение основного материала исследования. Категория напряженности относится к разряду лингвистических понятий, пока еще не получивших должного освещения в работах по теории и лингвистике текста/нарратива, несмотря на существование немногочисленных работ, где напряженность все же рассматривается попутно при решении других исследовательских задач. Плуралистичность мнений, отраженных в научных студиях, объясняется тем, что в упомянутых работах объектом анализа становился, как правило, какой-либо один из аспектов нарративной напряженности, тогда как другие характеристики оставались вне поля зрения исследователей. Между тем, нарративная напряженность является сложным многоуровневым конструктом, который представлен несколькими, как минимум тремя, планами:

- план когнитивной модели нарратива;
- план жанрообразующей когнитивной модели нарратива;
- план текстовых дескрипций.

Рассматриваемая в плане когнитивной модели нарратива, напряженность ассоциируется с понятием *нарративной прогрессии*, разработанным М. Туланом [11; 12]. По мнению исследователя, в процессе чтения читатель ожидает, что повествуемая история будет иметь динамическое развитие и завершится, скорее всего, каким-то определенным (а не случайным) образом, вытекающим из логики развертывания сюжета [12, с. 105] (ср. определение синтагматического напряжения у В.Г. Адмони). Это предвкушение «нарративного продолжения» М. Тулан предлагает описывать в двух перспективах – читательской и текстовой: в читательском плане этот процесс определяется как *нарративное ожидание* (*narrative expectation*), связанное с вероятностным прогнозированием исхода истории, в текстовом – речь идет о *нарративной проспекции* (*narrative prospection*), обусловленной определенной текстовой организацией (*textual design*), которая и вызывает это ожидание [11, с. 113]. Текстуальные приемы, с помощью которых подтверждаются либо опровергаются ожидания читателя, создают предпосылки для возникновения устойчивых когнитивно-эмотивных реакций (*responses*), которые автор называет ключевыми факторами читательской деятельности.

Анализируя структуру (пост)модернистского короткого рассказа, М. Тулан определяет чтение как «многофазовый процесс, в котором текстовые подсказки создают читательские ожидания, которые, в свою очередь, вызывают различные ощущения: страха, саспенса, замешательства, угрозы, печали, гнева и т. д., наряду с мыслями о несправедливости, бесцельности, несоразмерности либо размышлениями об удивительной судьбе персонажей – всей той гаммой возможных мыслей и эмоций, которые заполняют наше сознание и поглощают внимание во

время чтения увлекательной книги» [12, с. 106]. Принцип последовательного (разрядка наша – А. Л.) развертывания сюжета, замечает исследователь, является основным, хотя и не единственным фактором прогрессии когнитивных и эмотивных реакций, возникающих у читателя: «Что случится сейчас, или потом, или еще дальше, или в самом конце – вот те вопросы, которые читатель постоянно задает себе во время чтения» [12, с. 107].

Нарративная прогрессия (по М. Тулану), или синтагматическое напряжение (по В.Г. Адмони), маркирует первый и основной уровень нарративной напряженности – **универсальную напряженность**, присущую нарративу как таковому, без учета его жанровой принадлежности. Представление об универсальной напряженности как об имманентном атрибуте нарратива позволяет прояснить вопрос, который исследователи относят к числу наиболее дискуссионных: является ли напряженность характерной чертой любого нарратива либо только остросюжетного? Ответ на этот вопрос не вызывает затруднений, если исходить из понимания универсальной напряженности как признака последовательного сюжетного развития действия, соотносимого с определенной конфигурацией нарративной структуры. С таких позиций универсальная напряженность рассматривается как обязательная характеристика нарратива любого жанра, однако степень этой напряженности будет варьироваться в зависимости от жанровой разновидности текста.

В плане **жанрообразующей когнитивной модели** нарратива на каркас универсальной напряженности «наслаивается» так называемая **жанровая напряженность**, обусловленная требованиями того или иного жанра или его разновидности. В соответствии с этими требованиями, слот ТЕМА и его аргументные слоты заполняются предметно-тематической информацией, соответствующей определенной тематике. Так, в классическом детективе тематический слот ПРЕСТУПЛЕНИЕ представлен аргументными слотами ПРЕСТУПНИК, ЖЕРТВА, СПОСОБ, МЕСТО, ВРЕМЯ, МОТИВ и пр.; в мистическом триллере в качестве тематического слота выступает слот УГРОЗА с субординатными слотами СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ, СПОСОБ, МЕСТО, ВРЕМЯ, ПРИЧИНА, ИСХОД и т. д.

Уровень жанровой напряженности зависит от тематической доминанты повествования (по определению Р. Шэнка), которая является ключевым фактором возникновения читательского интереса [4, с. 175]. Напомним, что к таковым Р. Шэнк причисляет смерть, опасность, деструкцию, болезнь, власть, деньги, секс, романтические отношения и некоторые др. Поэтому вполне закономерно, что уровень жанровой напряженности в политическом триллере будет намного превышать жанровую напряженность произведений художественной прозы, например, семейного романа.

Еще одним фактором жанровой напряженности, по мнению западных исследователей [13, с. 238], является отнесенность нарратива к одной из двух больших групп нарративных текстов – акционально-ориентированным (*action texts*) или экспериенциально-ориентированным (*experience texts*) текстам (в терминологии 1970-х гг. – «текстам для удовольствия» (*texts for pleasure*), и «текстам для понимания» (*texts for understanding*), или массовой и «высокой» литературе). В **акционально-ориентированных** нарративах в фокусе повествования лежит описание физических действий, осуществляемых персонажами, тогда как в **экспериенциально-ориентированных** нарративах в центре внимания оказываются внутренние

переживания персонажей, их мысли и эмоции. Разграничение нарративов по такому принципу, считает П. Фордерер, вполне оправдано: несмотря на то, что любой текст, как правило, сочетает в себе элементы действия и элементы переживаний, количественное преобладание тех или иных элементов, а также способы их комбинирования будут различаться в зависимости от жанровой принадлежности нарратива [13, с. 238].

Дифференциацию нарративов по критерию «акционально-ориентированные vs. экспериенциально-ориентированные тексты» поддерживают и исследователи процессов чтения и понимания. В частности, Дж. Брунер исходит из различий между «ландшафтом действий» (*landscape of action*), который формируется намерениями персонажа, его целями и способами их достижения, и «ландшафтом понимания» (*landscape of consciousness*), создаваемым знаниями, мыслями и эмоциями героев [8, р. 14]. Дж. Брунер полагает, что различие между ними состоит в разных требованиях, которые предъявляет нарратив по отношению к читателю: акционально-ориентированные тексты требуют от читателя воссоздания причинно-следственной связи между нарративными событиями, тогда как экспериенциально-ориентированные тексты, направленные на создание эмпатии по отношению к герою, требуют от читателя, прежде всего, интерпретации интенций персонажа. Это означает, что для понимания текстов данного типа читатель выполняет несколько иные когнитивные действия, связанные с расшифровкой текстовых сигналов (к примеру, в случае описания выражения лица протагониста или в случае использования лексики, раскрывающей ментальное состояние героя) [8, р. 238–239].

Другие исследователи рецептивно-психологического направления, К. Оутли (1994) и Дж. Купчик (1996), указывают на различия в читательских стратегиях, применяемых при чтении нарративов двух различных типов, – ассимилятивной и аккомодативной [10, с. 37]. Сущность **ассимилятивного** чтения заключается в том, что постепенное (вплоть до самого финала) добавление новых элементов в сюжетную схему нарратива, характерное для акционально-ориентированных текстов, требует постоянного удержания общей картины повествования в сознании читателя, когда при **аккомодативном** чтении его внимание направлено на поиск ассоциаций между языковыми выражениями и их возможными значениями. В результате проведенных эмпирических исследований установлено, что скорость чтения напрямую зависит от типа нарративного текста: акционально-ориентированные тексты не требуют продолжительной обработки, поэтому прочитываются гораздо быстрее, чем экспериенциально-ориентированные. Кроме того, экспериментальным путем доказано, что акционально-ориентированные тексты воспринимаются читателями как более напряженные, чем экспериенциально-ориентированные [10, с. 37].

Первые два уровня нарративной напряженности каждого конкретного текста – универсальная и жанровая напряженность – формируются за счет (жанрообразующей) когнитивной модели, лежащей в основе этого текста. Исходя из наших представлений о семиотической природе текста/нарратива, в терминах нашего исследования жанрообразующая когнитивная модель детерминирует в н у т р е н н ю ф о р м у нарративного текста, несущую в себе часть его значения. Что касается его в н е ш н е й ф о р м ы, то она представлена текстовыми дескрипциями, т. е. собственно языковой тканью текста. Именно здесь находит свое проявление третий уровень нарративной напряженности – внутритекстовая напряженность.

Внутритекстовая напряженность возникает вследствие того, что определенные текстовые фрагменты выступают в качестве семантических триггеров, запускающих когнитивно-аффективные реакции читателя на вербализованную ткань текста, его структурно-семантический слой. По замечанию З.Д. Асратян [1, с. 10], информация, заключенная в художественном тексте, отличается своей неоднородностью и наряду с общими для всех текстов значениями или смыслами имеет и особые характеристики и значения. По мнению исследовательницы, информацию художественного текста (с разной степенью детализации) можно дифференцировать по следующим критериям:

– по форме выражения: **скрытая** (имплицитная) и **выраженная** (эксплицитная) формы информации;

– по содержанию: **концептуальная** и **фактуальная**; последняя может быть представлена как **денотативная**, **эмотивная** и **эстетическая** информация;

– по способу восприятия: **интеллективная** (обращенная к разуму) и **эмотивная** (воздействующая на чувства).

Рассматривая нарративную напряженность как когнитивно-аффективный феномен, связанный, в первую очередь, с читательским восприятием, мы будем различать **интеллективную** информацию, способствующую построению когнитивной модели нарратива, и **эмотивную** информацию, вызывающую у адресата эмоциональное возбуждение различного характера (тревогу, любопытство, замешательство, страх и т. д.). Текстовые описания, содержащие интеллективную информацию, приобретают статус **интеллективных триггеров** напряженности лишь в том случае, если активируют у читателя состояние неопределенности. Мы полагаем, что именно неопределенность, влекущая за собой состояние ожидания и сопричастности – интеллектуальной и/или эмоциональной, является основным компонентом нарративной напряженности.

Что касается **аффективных триггеров**, то теоретическим основанием для их выделения служит классификация показателей эмотивности художественного текста, предложенная С.В. Гладью [2, с. 9–13], в соответствии с которой выделяются три вида показателей: сигналы эмотивности, эмотивные ситуации и эмотивные топика. Эти показатели, по мнению автора, имеют знаковую сущность и указывают на характер авторских эмоциональных интенций, выраженных эксплицитно или очерченных имплицитно в пределах текста. Модифицируя методику анализа С.В. Гладью в отношении способов изображения различных эмоциональных состояний персонажей, а также используя некоторые положения концепции текстовой репрезентации состояния тревоги, разработанной Г.И. Харкевич [6], мы различаем три вида аффективных триггеров: эмотивные сигналы, эмотивные ситуации и эмотивные топика.

Выводы. Суммируя сказанное, можно говорить о том, что **нарративная напряженность** определяется как сложный многомерный конструкт, характеризуемый совокупностью универсальной, жанровой и внутритекстовой напряженности и реализуемый как на уровне (жанрообразующей) когнитивной модели нарратива, так и на уровне его вербализованного пространства. Нарративная напряженность представляет собой «встроенную» программу адресации (по О.П. Воробьевой), картированную в сюжетной канве текста и рассчитанную на конструирование этой программы читателем путем построения когнитивной модели нарратива и параллельной обработки интеллективных и эмотивных текстовых фрагментов-триггеров.

Процесс конструирования вызывает у читателя соответствующую запрограммированную аффективную реакцию, обусловленную тематическим вектором повествования. Разработка процедуры описания лингвокогнитивного механизма картирования нарративной напряженности является темой отдельного исследования.

Литература:

1. Асратян З.Д. Соотношение понятий семантики и информации в художественном тексте / З.Д. Асратян // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 11. – С. 9–13. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnosheniye-ponyatiy-semantiki-i-informatsii-v-hudozhestvennom-tekste>.
2. Гладь С.В. Эмотивность художественного текста: семантико-когнитивный аспект (на материале современной англоязычной прозы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / С.В. Гладь. – К., 2000. – 21 с.
3. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
4. Лещенко А.В. Типология читательского интереса / А.В. Лещенко // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія «Філологія» : зб. наук. пр. – 2014. – Вып. 13. – С. 174–177.
5. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика : [монография] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ «Восток-Запад», 2007. – 314 с.
6. Харкевич Г.И. Стан тривоги в контексті художньої семантики : [монографія] / Г.И. Харкевич. – Луцьк : Вежа-Друк, 2012. – 136 с.
7. Штерн І.Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики : [енциклопедичний словник для фахівців з теоретичних гуманітарних дисциплін та гуманітарної інформатики] / І.Б. Штерн. – К. : АртЕк, 1998. – 336 с.
8. Bruner J. Actual Minds, Possible Worlds / J. Bruner. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1986. – 222 p.
9. Herman D. Basic Elements of Narrative / D. Herman. – L. : Wiley-Blackwell, 2009. – 272 p.
10. Iwata Y. Creating Suspense and Surprise in Short Literary Fiction: a Stylistic and Narratological Approach / A thesis submitted to School of Humanities of the University of Birmingham for the degree of Doctor of Philosophy / Y. Iwata. – Birmingham, 2008. – 287 p. – [Electronic resource]. – Mode of access : <http://etheses.bham.ac.uk/284/1/Iwata09PhD.pdf>.
11. Toolan M. Narrative Progression in the Short Story: A Corpus Stylistic Approach / M. Toolan. – Amsterdam-Philadelphia : John Benjamins, 2009. – 212 p.
12. Toolan M. Narrative Progression in the Short Story: First Steps in a Corpus Stylistic Approach / M. Toolan // Narrative. – 2008. – Vol. 16. – № 2. – P. 105–120. – [Electronic resource]. – Mode of access : <http://artsweb.bham.ac.uk/MToolan/Toolan%20-%20narrative%20progression.pdf>.
13. Vorderer P. Toward a Psychological Theory of Suspense / P. Vorderer // Suspense: Conceptualizations, theoretical analyses, and empirical explorations / ed. by P. Vorderer, H. J. Wulff, M. Friedrichsen. – New York-London : Routledge, 1996. – P. 233–254.

Лещенко Г. В. Лінгвокогнітивна інтерпретація феномена нарративної напруженості

Анотація. Стаття присвячена вивченню лінгвокогнітивних аспектів нарративної напруженості. Це поняття розглядається як складний багатошаровий конструкт, що характеризується когнітивно-афективною природою та есукупністю трьох різних видів напруженості. Особлива увага приділяється аналізу інтелективних і емотивних тригерів нарративної напруженості.

Ключові слова: нарратив, когнітивний, афективний, інтелективні тригери, емотивні тригери.

Leshchenko H. Linguo-cognitive interpretation of narrative tension

Summary. This article deals with linguo-cognitive aspects of narrative tension. This phenomenon is conceptualized as a complex multi-layered construal, characterized by its cognitive

and affective nature and represented by the combination of three different kinds of tension. Special attention is given to the analysis of intellectual and emotive triggers, inducing narrative tension.

Key words: narrative, cognitive, affective, intellectual triggers, emotive triggers.